

Умолчание имен как индикатор АВТОРИТАРИЗМА¹

*О том, как новые руководители российской социологии
вычеркивают из истории имена ее основоположников*

27.09.2007

Существует множество индикаторов, характеризующих движение общества от свободы к несвободе. Один из них является числом имен общественных деятелей (политиков, ученых, писателей, журналистов), не подлежащих упоминанию в СМИ и в научных публикациях, а также не могущих быть указанными как авторы каких-либо печатных произведений или участники телепередач. Назовем его индикатором умолчания (ИУ). Чем выше ИУ, чем больше имен оказываются под запретом, тем меньше свободы, тем больше авторитаризм входит в общество.

Этот индикатор вполне вписывается в общество, описанное в «1984» и, по сути, хорошо знаком автору этого гениального социологического произведения. Советская цивилизация действительно может претендовать на существенный вклад в развитие такого милого социального института, как цензура и практика уничтожения книг, не соответствующих требованиям господствующей идеологии. Однако честь этого социального изобретения все-таки принадлежит Ватикану, который издал первый индекс запрещенных книг в середине XVI века.

Индикатор числа имен, подлежащих забвению, начал работать в СССР в конце 1920-х годов, когда авторитаризм уже достиг высокого уровня. Этот показатель стал максимальным к середине 1930-х и практически никогда не снижался до начала перестройки. Массовое изгнание фамилий из общественной жизни продолжалось непрерывно вплоть до середины 1980-х годов. Конечно, число новых запрещенных имен за год в течение полувека существенно колебалось. Оно было функцией от масштабов репрессий, и две кривые — число арестованных и число авторов в циркулярах Главлита для библиотек страны (он начал их рассылать в 1926 году), чьи книги подлежали уничтожению, — практически совпадали. Некоторые книги «счастливых авторов» избегали физического уничтожения и отправлялись под прямой контроль КГБ в спецхран, он же часто «первый отдел», где они могли встретиться с особо доверенными читателями, получившими специальное разрешение на их чтение.

¹ «Новая газета». Научно-популярное приложение «Кентавр». № 5 URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/33927.html>

Пики казней имен приходятся на вторую половину 1930-х годов, затем на период борьбы с космополитизмом (1948—1953) и, наконец, на 1970-е годы, когда имя эмигранта подвергалось такой же экзекуции, как и имя «врага народа» в сталинские времена. Например, мои социологические книги были немедленно изъяты из всех библиотек, как только я эмигрировал из страны (или, возможно, сразу же, как только изъявил желание сделать это).

Борьба с именами велась не только путем их изъятия из публичной жизни — высшей меры наказания для имени. Существовало множество других способов выражения негативного отношения власти к именам общественно значимых людей. Упоминание их только в отрицательном контексте или сопровождение их пренебрежительными характеристиками вроде Иудушки Троцкого — примеры таких способов. Изучая прессу в сталинские времена, мой покойный друг Роман Левита выстроил такую цепочку движения имени от высокого статуса к забвению: «товарищ Николай Иванович Бухарин», «товарищ Н.И. Бухарин», «т. Н.И. Бухарин», «т. Бухарин», «Бухарин» — и полное забвение. Нельзя забыть и своеобразные экзекуции имен в начале 1950-х с помощью скобок, раскрывавших истинную — еврейскую — фамилию жертвы репрессий.

Воистину индикатор умолчания необходим для анализа советских энциклопедических изданий. Так получилось, что первое издание «Большой советской энциклопедии» началось в 1927 году и завершилось только через 20 лет, в 1946-м. Много событий произошло за этот период. Поэтому публичные фигуры, впоследствии приговоренные к небытию, если им посчастливилось иметь фамилии, начинавшиеся с первых букв алфавита, как, например, Бухарин или Блюхер, попали в первые тома первого издания. А вот о каком-то Ягоде или Якире, которых судьба связала с последней буквой, и речи быть не могло. Чистка, начатая в первом издании БСЭ, успешно продолжалась во втором издании (1949—1958).

Это издание вошло в историю нашего индикатора знаменательным событием. После ареста, осуждения и расстрела в конце 1953 года Л.П. Берии, статья о котором в БСЭ к тому времени уже вышла, подписчикам энциклопедии рассылались дополнительные страницы с более подробной, увеличенной в несколько раз статьей «Берингов пролив», которыми предлагалось заменить текст об этом человеке, ушедшем в никуда. Редколлегия последнего, третьего издания (1969—1978), а также «Советского энциклопедического словаря», вышедшего перед перестройкой (1984), продолжали заниматься, как и их предшественники, судьбами публичных фигур, строго следуя указаниям ЦК. Оставляя многих жертв террора в забвении (Троцкому, Бухарину, Каменеву и другим лидерам оппозиции по-прежнему было отказано в историческом существовании), те, кто принимал решения — «целесообразно или нет», — воскресили имена политических деятелей и военачальников, реабилитированных после XX съезда и переживших антисталинскую волну после снятия Хрущева. Однако решение директивных органов было половинчатым. Разрешив вернуть сразу расстрелянных и погибших в ГУЛАГе в «историческое бытие», они не позволили указать в статьях о них

обстоятельства их смерти. Статьи, например, оканчивались по-кафкиански: «Тухачевский умер в 1937 году». Точка. Так же заканчивались статьи о погибших писателях, таких как Осип Мандельштам, или ученых — как Николай Вавилов. Само собой разумеется, что в «Советском энциклопедическом словаре» 1984 года было нелепо искать Солженицына или Сахарова, чьи имена уже два десятилетия были на устах у всего мира.

Даже изданный в последний год перестройки «Советский энциклопедический словарь» (1990), где в статьях о жертвах террора исчезли абсурдные концовки, не смог преодолеть укоренившуюся ненависть к Троцкому и признать ответственность Кремля за его смерть: читателям не сообщалось даже то, что он был убит.

Воскрешение имен было одним из чудес перестройки. Сотни имен политиков, ученых, писателей, журналистов хлынули как бы из другого мира на страницы книг, газет, журналов, на экраны телевидения и подмостки театров. Энциклопедические издания конца 1990-х уже не уступали западным изданиям в уважении к именам, и «Иллюстрированный энциклопедический словарь» (1997) даже поместил фотографию Троцкого, которую я, родившись в 1926 году в СССР, увидел, только оказавшись на Западе в 1979 году.

Вплоть до первых лет антилиберальной перестройки (2000—2004) наш индикатор умолчания был близок к нулю. А вот в последние годы он начинает стремительно расти. Теперь хорошо известно, какие имена не должны упоминаться в положительном контексте в газетах, считающихся рупором Кремля, какие авторы должны забыть, что они когда-то печатались в этих изданиях и кому из них закрыт вход на основные телевизионные каналы. Как показывает история, всегда находятся энтузиасты, спешащие быть в авангарде нового курса властей по селекции имен.

Вот такие передовики в борьбе с именами, не нравящимися властям, с их четкой поддержкой антизападной и националистической идеологией, нашлись и в российской социологии. Именно в этой науке произошел в июне 2007 года переворот, в ходе которого руководство наукой даже формально перешло от либеральных социологов к людям, откровенно декларирующим свою ненависть к Западу, демократии, «либеральной идеологии», «космополитизму» и свою преданность шовинизму и авторитаризму. Был создан Союз социологов России с аббревиатурой, милой сердцу тех, кто ностальгирует по империи, — ССР. Новая ассоциация должна полностью вытеснить из жизни старые организации, такие как Сообщество профессиональных социологов России и Российское общество социологов, где главную роль играли ненавистные ей либералы. По сути, это событие легко укладывается в схему генерального плана изничтожения в стране всех элементов либерализма и прозападных настроений, который во многом воспроизводит похожий процесс во второй половине 1920-х годов, с той только разницей, что тогда ликвидация последних остатков свободы велась с помощью классовой, а не националистической идеологии.

Неудивительно, что в перевороте участвовали почти все, кто занимает какие-либо административные посты в общественных науках, что предрешает судьбу всех социологических организаций, еще не оказавшихся под контролем новых хозяев. Участников антилиберального переворота приветствовали телеграммами председатель Совета Федерации С. Миронов, зампреда Госдумы Л. Слиска, академик РАН, депутат Госдумы от «Единой России» А. Кокошин, которые таким образом однозначно подтвердили, что это мероприятие ни в коем случае не должно рассматриваться как случайное. Грустно, что в нем принял участие Валерий Макаров, директор Центрального экономико-математического института, знаменитого ЦЭМИ, который в конце 1960-х был убежищем для преследуемых либеральных социологов. И еще один красочный момент, показывающий, как прекрасно вписываются происшедшие в здании Российского государственного социального университета похороны либеральной социологии в центральные политические процессы современной России. Агентов КГБ, которые сопровождали советских музыкантов на международные конкурсы, называли «искусствоведы в штатском». Однако советская власть знала меру и откровенных кагэбэшников ставила на руководящие должности в профессиональных организациях сравнительно редко. Теперь, когда советский уровень кагэбэзации общественной жизни явно превзойден, естественно, что среди вице-президентов новой социологической ассоциации оказался Владимир Шульц, который приобрел представления о социальных процессах в стенах КГБ.

Организатор и идеолог переворота Геннадий Осипов говорит «о силах мирового зла», поставивших своей задачей «сломать становой хребет российской государственности», и о необходимости спасать русский народ, который «в новой России» «оказался пораженным в правах и лишился прав субъективности». Он сурово осуждает «космополитическое меньшинство», которое «нередко ощущает себя в современной России авангардом всего прогрессивного человечества и пытается навязать большинству граждан свою передовую точку зрения по национальному вопросу, призывая двигаться вперед в обратном направлении — к образцам евроамериканской цивилизации». Пожалуй, трудно найти другой пример в истории, по крайней мере русской, чтобы один и тот же человек в течение нескольких десятилетий возглавил в одной и той же науке два абсолютно противоположных идеологических курса. Осипов в 1960-е годы, участвуя в создании социологии как чисто западной науки, горячо требовал от своих коллег изучения западной социологии, бесконечно часто ездил на Запад, лбызался там с ведущими западными учеными, переполнял свои публикации ссылками на их работы, практически игнорируя дореволюционных русских авторов. Теперь Осипов, создавая новый антилиберальный проект российской социологии как чисто русской науки, возвращается к самым гнусным лозунгам периода борьбы с космополитизмом, ратую за грубый национализм.

Вдохновленный Осиповым Василий Жуков, возникший буквально из небытия социолог, да и еще со званием действительного члена Российской академии, требует переписать историю советской социологии. Вот тут-то советский бесстыдный опыт

манипулирования именами и возродился в полной красе. Предлагая новую версию истории отечественной социологии, Жуков исключил из нее тех, кто был ее основоположниками и ее гордостью. Сталинские историки Гражданской войны запросто обходились без имен создателя Красной армии, первого наркома по военным и морским делам и председателя революционного военного совета республики, а заодно многих командиров, уничтоженных террором. Среди 45 ученых, которых Василий Жуков упомянул в своем докладе как тех, кому родина должна быть благодарна за вклад в развитие отечественной социологии, многие мало известны не только широкой, но и социологической общественности. Жуков включил в этот список не только себя, но еще шесть имен из руководимого им Российского государственного социального университета, которые ничуть не более значимы в современной российской социологии, чем несколько сотен других авторов. Не забыл Жуков и бывших партийных деятелей, которых можно назвать социологами только на том основании, что они интересовались этой наукой в основном в репрессивных целях. Из всех семи предшественников (1968—2006) нынешнего директора Института социологии, участника антилиберального переворота Михаила Горшкова, Жуков упомянул положительно только одного — Вилена Иванова, выпускника Военно-политической академии им. В. И. Ленина, возглавлявшего в Институте социологии до своего назначения директором секретное отделение, занимавшееся исследованиями для КГБ. Порог этого подразделения ведущие сотрудники института, которые так же, как и я, не пользовались особым доверием органов, и переступить не могли. Замечательно, что в биографии Иванова название отдела опускается, хотя уже пришло время гордиться близостью к КГБ.

А вот для Бориса Грушина, Юрия Левады и Андрея Здравомыслова, ученых, без которых возникновение советской социологии было бы просто невысказано, в блистательном списке Жукова не нашлось места. Нужна высокая степень ненависти к либеральным идеям и не менее высокая готовность презирать российскую и мировую общественность, чтобы покрыть молчанием выдающиеся достижения Бориса Грушина, буквально символа отечественной социологии, русского Гэллапа, основателя изучения общественного мнения в России, создателя первой негосударственной фирмы по изучению общественного мнения, автора десятка книг, давно ставших классикой науки, бесконечное число раз выступавшего по телевидению в 1990-е годы, представителя социологии в Президентском совете в те же годы.

Умолчание Левады не менее значимо. Ведь в период реакционной атаки на только что возникшую социологию в конце 1960-х Левада стал героем социологии и общества, отказавшимся сотрудничать с властью, в то время как Осипов мгновенно поменял свои взгляды, принявшись помогать ЦК превращать социологию в его служанку. Нисколько не смутило новую команду и то, что «Левада-Центр» стал фирмой, известной буквально в каждом уголке мира. Для этой команды было главным то, что Левада до самой своей смерти был бескомпромиссным сторонником либеральной демократии и врагом авторитаризма. Можно по-разному относиться к взглядам Андрея

Здравомыслова (для меня он был всегда слишком ортодоксальным марксистом и слишком уважительным к решениям ЦК), однако он, автор множества книг и учебников, несомненно, относится к «отцам-основателям» отечественной социологии в современном понимании этой науки.

Среди явных врагов новой верхушки в социологии, конечно, и Владимир Ядов. Имя этого одного из самых замечательных, самых образованных социологов мирового класса, который еще в начале 1990-х открыто зафиксировал движение Осипова почти что к дикому национализму, упомянуто один раз, скороговоркой в ряду малоизвестных социологов. Не было сказано ни слова о том, что он стал директором Института социологии почти немедленно после крушения советской системы и был им десять славных для российской социологии лет. Не упомянуто и то, что Ядов является автором многих книг, по которым учились все поколения российских социологов после 1960-х годов. Более того, Жуков заявил в одном из интервью, что «Ядов и Здравомыслов не представляют академическую социологию», точно так в свое время Ахматова и Зощенко, как заявляли подручные Жданова, не представляли советскую литературу.

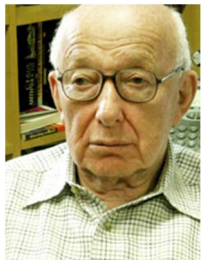
Не угодил новым историкам социологии и Борис Фирсов. Он один из самых крупных экспертов по социологии СМИ, возглавлял второе по значимости социологическое учреждение в стране — филиал Института социологии в СПб с 1989 по 1995 год. Я уж не говорю о том, что он основал и возглавлял Европейский университет аспирантского уровня в Петербурге, который также стал одним из новых центров социологических исследований в стране. Возможно, именно очевидная ориентация нового заведения на мировую науку была причиной того, что Фирсов попал в «список небытия».

Не могу не сказать и о себе. Я тоже в «списке небытия». Не мне судить о моем месте в советской социологии, но напомним, что я проводил первые в истории страны национальные опросы, изучая мнение читателей центральных газет в 1960–1970 годах наряду с множеством других эмпирических исследований. Впрочем, у моего имени еще больше оснований подвергнуться экзекуции теми, для кого манипулирование именами и историей столь же естественно, как и для советских чиновников сталинской выучки. Ведь я не только принадлежал всем сердцем и душой к либеральной социологии вместе с моими дорогими друзьями, но еще и эмигрировал из СССР. И уж понятно, что Осипов поместил меня в «космополитическое меньшинство», которому нет места в современной России. Конечно, я могу утешаться куда более громкими именами эмигрантов из послереволюционной России, упоминание которых было запрещено.

Увы, трудно отрицать известную цикличность в российской истории. Боюсь, что процесс умолчания имен в России набирает темпы. Можно, конечно, помечтать, что справедливый, но не все знающий царь вызовет к себе чиновника, курирующего общественные науки в стране, и грозно спросит его, кто дал ему право запретить упоминание славных имен Грушина и Левады в новой истории российской социологии. И завтра же Осипов и Жуков найдут способы сообщить всему миру, как глубоко они

уважают этих великих ученых и как они будут рассказывать о них взахлеб на своих лекциях. Но, боюсь, это сказка, а вот реабилитации этих имен придется подождать. Но сколько?

ОБ АВТОРЕ:

ШЛЯПЕНТОХ ВЛАДИМИР ЭММАНУИЛОВИЧ

Доктор экономических наук, профессор Мичиганского университета

Окончил исторический факультет Киевского университета (1949) и Московский статистический институт в 1950. Кандидатская диссертация была посвящена истории мальтузианства (1956), докторская - эконометрии (1966)

С 1963 работал в Академгородке (Новосибирск) в Институте экономики и организации промышленного производства. В этот период возглавил первые в стране социологические исследования читателей центральных газет - "Известий", "Труда", "Литературной газеты", "Правды" (1966-1969). В 1970-е работал в Институте социологии АН СССР.

В 1979 эмигрировал в США, где стал заниматься теоретическими проблемами советского общества.

Основные сочинения Ш.: "Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях" (1973); "Проблемы репрезентативности социологической информации" (1976); "Как сегодня изучают завтра" (1975); "Советское общественное мнение и идеология" (1989); "Советская идеология в период гласности" (1988); "Государственно организованный террор" (1991); "Последний год советской империи" (1993); "Страх и дружба в нашем тоталитарном обществе" (2003); "Современная Россия как феодальное общество: Новый взгляд на постсоветскую эру" (2008) и др.

Контактная информация: shlapent@msu.edu